

АРТУР

ХЕЙЛИ

ДЖОН КАСТЛ

НА ГРАНИ
КАТАСТРОФЫ

**Джон Кастл
Артур Хейли**

На грани катастрофы

**Серия «Артур Хейли:
классика для всех»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68403436

*На грани катастрофы:
ISBN 978-5-17-152647-4*

Аннотация

Первый роман Артура Хейли – своеобразная визитная карточка писателя. Книга, ставшая основой остросюжетного кинофильма.

...Рейс-катастрофа. Полет, который может стать последним для пассажиров. Оба пилота потеряли сознание в результате отравления.

Управление самолетом вынужден взять на себя один из пассажиров – Джон Спенсер, в последний раз сидевший за штурвалом много лет назад.

Жизнь десятков людей висит на волоске – и все зависит от того, сумеет ли Спенсер посадить машину в аэропорту Ванкувера. А к месту посадки уже стекается вездесущая пресса...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	27
Глава 3	44
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Артур Хейли, Джон Кастл

На грани катастрофы

Artur Hailey, John Castle

RUNWAY ZERO-EIGHT

© Ronald Payne, John Garrod and Artur Hailey, 1958

© Перевод. Е. Токарев, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Глава 1

22.05–00.45

Рассекая ярким светом фар косые струи обложного дождя, такси свернуло на подъездную дорогу к аэропорту Виннипега и, описав дугу, так что пронзительно взвизгнули шины, резко затормозило у ярко освещенного входа в главное здание. Из машины выскочил пассажир, бросил шоферу пару купюр, подхватил небольшой чемоданчик и поспешил к распашным двустворчатым дверям.

В теплом и светлом зале аэропорта мужчина на мгновение остановился, опустил воротник мокрого от дождя пальто, взглянул на висевшие у него над головой часы и едва ли не бегом устремился к похожей на барную стойке авиакомпания «Кросс Канада эйрлайнз». Там никого не было, кроме клерка, проверявшего полетный лист. Как только мужчина подошел к стойке, клерк взял в руку микрофон, жестом дав понять новоприбывшему, чтобы немного подождал, и объявил, тщательно выговаривая слова:

– Внимание, внимание! Объявляется посадка на рейс номер девяносто восемь в Ванкувер с последующими пересадками на Викторию, Сиэтл и Гонолулу. Пассажиров приглашают к выходу номер четыре. Просьба воздержаться от курения.

Люди с готовностью поднялись с удобных кресел, оторвавшись от наскучившего просматривания содержимого газетного киоска, и устремились через зал к указанному выходу. Мужчина хотел было что-то спросить, но его бесцеремонно оттолкнула пожилая дама и, захлебываясь от нетерпения, выкрикнула:

– Молодой человек, рейс шестьдесят три из Монреаля уже прибыл?

– Нет, мадам, он задерживается, – спокойно ответил клерк и, пошуршав бумагами, добавил: – Примерно на полчаса.

– Ах ты боже мой! Я договорилась с племянницей...

– Послушайте, – нетерпеливо заговорил мужчина в пальто, – у вас остались места на рейс девяносто восемь до Ванкувера?

Клерк покачал головой:

– Прошу прощения, сэр, ни одного билета. А вы не звонили в отдел бронирования?

– Времени не было. Решил ехать сразу в аэропорт: вдруг кто откажется. – Явно расстроенный, он хлопнул ладонью по стойке. – Ведь случается, что остается билетик-другой, вот я и понадеялся...

– Совершенно верно, сэр, но завтра в Ванкувере большой матч, так что разобрали все подчистую. У нас все рейсы забиты под завязку. Сомневаюсь, что вы сможете вылететь отсюда раньше завтрашнего дня.

Мужчина выругался себе под нос, резко опустил на пол

чемоданчик и сдвинул на затылок мокрую от дождя фетровую шляпу.

– Вот ведь неудача! Мне позарез нужно быть в Ванкувере самое позднее завтра в полдень.

– Что вы себе позволяете! – раздраженно бросила дама. – Не видите, я разговариваю. А вы, молодой человек, даже не выслушали меня. Моя племянница везет с собой...

– Минуточку, мадам, – перебил ее клерк и, перегнувшись через стойку, постучал карандашиком мужчине по рукаву. – Вообще-то я не имею права вам это говорить...

– Да, что такое?

– Нет, ну каков нахал! – взорвалась дама.

– Есть чартерный рейс из Торонто, как раз на этот матч. Вроде бы у них было несколько мест, когда они садились в Виннипеге. Возможно, вам удастся заполучить билет.

– Это было бы великолепно! – воскликнул мужчина в пальто, подхватывая с пола чемоданчик. – Вы думаете, есть шанс?

– Попытка не пытка.

– Где их стойка? К кому обратиться?

Клерк улыбнулся и махнул рукой в другой конец зала:

– Вон там. Компания «Мейпл лиф эйр чартер». Только, чур, я вам ничего не говорил.

– Это возмутительно, наконец! – взбеленилась дама. – Вы только послушайте: моя племянница...

– Огромное вам спасибо, – сказал мужчина и торопливо

двинулся к стойке чартерной компании, за которой что-то сосредоточенно писал клерк в скромном деловом костюме, а не в щегольской униформе авиакомпании.

– Чем могу быть полезен, сэр? – любезным тоном произнес служащий.

– У вас, случайно, не осталось билетов на рейс до Ванкувера?

– Ванкувер. Сейчас посмотрю. – Карандашик клерка быстро заскользил по списку пассажиров. – Ага, есть одно место, но вылет прямо сейчас: он и так уже опаздывает.

– Отлично. Можно мне билет?

Клерк потянулся за отрывным купоном.

– Ваше имя, сэр?

– Джордж Спенсер.

Клерк быстро вписал его вместе с данными о рейсе.

– С вас шестьдесят пять долларов, сэр. Есть багаж?

– Одно место, ручная кладь. Возьму с собой.

Через мгновение чемоданчик взвесили и наклеили на него бирку.

– Прошу вас, сэр. Билет является также посадочным талоном. Третий выход, рейс семьсот четырнадцать. Поторопитесь, сэр: они вот-вот взлетят.

Спенсер кивнул, обернулся и показал большой палец клерку за стойкой «Кросс Канада эйрлайнз». Тот, глядя поверх плеча пожилой дамы, понимающе улыбнулся, и Спенсер торопливо зашагал к выходу на посадку.

На улице воздух буквально вибрировал от рева и завываний моторов. Казалось, что вокруг царит полный беспорядок, как и в любом оживленном аэропорту после наступления темноты, однако в действительности все работало по тщательно выверенному и строго соблюдаемому плану. Контролер показал Спенсеру на стоявший посреди ярко освещенной и сверкающей от дождя рулежной площадки самолет, фюзеляж которого в свете дуговых фонарей походил на сверкающую серебристую стрелу. Техники уже готовились убрать пассажирский трап. Перепрыгивая через лужи, Спенсер подоспел к ним, протянул отрывной купон билета и легко взбежал по ступенькам, придерживая шляпу от порывов норовившего сорвать ее ветра. Нырнув в самолет, он остановился отдышаться, и почти тотчас появилась стюардесса в наброшенном на плечи плаще, улыбнулась ему и закрыла дверь. Сразу же взревели запускаемые двигатели.

– Чуть не опоздал, – с виноватой улыбкой проговорил Спенсер.

– Добрый вечер, сэр. Рада приветствовать вас на борту. Проходите вперед – там есть свободное место, – сказала девушка.

Спенсер скинул пальто, снял шляпу и зашагал по проходу к пустующему креслу. Не без труда пристроив пальто на узкой багажной полке и заметив заинтересованный взгляд соседа, он пробормотал:

– Вечно они на всем экономят.

Задвинув чемоданчик под кресло и устало опустившись на мягкое сиденье, Спенсер собрался пристегнуть ремни, когда из динамиков донесся бодрый голос стюардессы:

– Добрый вечер. Компания «Мейпл лиф эйр чартер» приветствует вас на борту рейса семьсот четырнадцать и желает приятного полета. Взлет через несколько минут.

Пока Спенсер возился с застежкой, его сосед, кивнув на красовавшуюся на спинке кресла надпись: «Ваш спасательный жилет под сиденьем», пробурчал:

– Шутники, однако.

– Даст Бог, не пригодится, а то я не переживу, – рассмеялся в ответ Спенсер.

– Вот как? Вы такой заядлый болельщик?

– Болельщик? – Тут Спенсер вспомнил, что этот чартер летит на матч. – Мм... нет, я и не думал об игре. Не хочется в этом признаваться, но я спешу в Ванкувер на деловую встречу. Конечно, с удовольствием посмотрел бы матч, однако боюсь, что это абсолютно невозможно.

Попутчик заговорщически понизил голос, насколько это было возможно на фоне усиливавшегося рева двигателей:

– На вашем месте я не стал бы это афишировать. Самолет забит олухами, которые летят в Ванкувер с единственной целью: подрать глотку за своих и навалить соперникам. Могут быть неприятности, если вдруг им покажется, что вы не очень уважительно что-то сказали.

Спенсер усмехнулся, высунулся в проход и оглядел салон.

Всюду сидели шумные, горластые, но беззлобные спортивные болельщики, летевшие на матч с одной целью: насладиться триумфом своей команды. Справа от Спенсера сидела супружеская пара, уткнувшись в яркие глянцевые страницы спортивных журналов. Позади них четверо заядлых болельщиков разливали по бумажным стаканчикам виски и бурно обсуждали игроков. Вместе с запахом алкоголя до Спенсера долетели обрывки разговора: «Хаггерти? Это Хаггерти-то? Вот только не надо. Да он Тандерболту в подметки не годится. Если хочешь знать, вот он игрок, каких мало...» За подвыпившим квартетом гомонили другие болельщики, одетые в клубные цвета, по большей части румяные здоровяки, которые и сами были не прочь выйти на поле.

Спенсер повернулся к попутчику. Приученный обращать внимание на детали, сразу же отметил хоть и скромный, но хорошо сшитый костюм, только основательно помятый, совершенно не подходящий к нему галстук, морщинистое лицо и седеющие волосы, создававшие впечатление уверенности в себе и авторитета. Характерное лицо, решил Спенсер.

Самолет наконец пришел в движение, и в иллюминаторе медленно поползли синие огоньки рулежной площадки.

– Возможно, мои слова покажутся вам кощунством, – непринужденно проговорил Спенсер, – но должен признаться, что лечу на Западное побережье по торговой надобности, причем весьма значительной.

– Чем торгуете? – вежливо поинтересовался сосед.

– Грузовиками, причем большими партиями.
– Грузовиками? Я-то думал, что их дилеры продают.
– Именно так. Меня вызывают, когда наклеывается особенно крупная сделка от тридцати до ста машин. Представители на местах не очень-то меня любят, потому что считают этаким вольным стрелком из головного офиса с особыми ценами. Да, в продажах имеются свои маленькие тонкости. – Спенсер полез было за сигаретами, но тут же осекся: – Черт, курить-то нельзя: мы ведь еще не летим.

– Если летим, то очень низко и медленно: со скоростью ноль целых ноль десятых.

– Ну ничего. – Спенсер вытянул ноги. – Господи, как же я устал! Выдался один из таких дней, когда на стенку хочется лезть. Понимаете?

– Думаю, да.

– Сначала этот гусь решил, что ему все-таки больше нравятся грузовики конкурента, а потом, когда я вроде бы уломал его на сделку и думал закруглить контракт за ужином, рассчитывая завтра вечером вернуться к жене и детям, вдруг получаю телекс с приказом все бросить и завтра к обеду быть в Ванкувере. Там срывается крупная поставка. Так что главная сила должна вступить в бой и спасти положение. – Спенсер вздохнул и выпрямился с выражением напускной серьезности на лице. – Слушайте, если вам нужно сорок-пятьдесят грузовиков, сегодня могу дать приличную скидку. Не хотите целым парком порулить?

Сосед рассмеялся:

– Простите, нет, столько мне не надо. Я совсем не по этой части.

– А по какой, если не секрет? – спросил Спенсер.

– По медицинской.

– Вы врач, да?

– Врач. И поэтому, боюсь, как покупатель грузовиков совершенно бесполезен. Мне и один не по карману, не то что сорок. Футбол – единственная слабость, которую я могу себе позволить, и ради него я поеду хоть куда, если только время выкрою. Сегодня как раз такой редкий случай.

Пристроив затылок на подголовник, Спенсер сказал:

– Это хорошо, что мой сосед врач. Если не смогу заснуть, то, надеюсь, у вас найдется снотворное.

В этот момент двигатели взревели на полную мощь, и самолет завибрировал на удерживаемых тормозами шасси.

Врач наклонился и прокричал Спенсеру на ухо:

– При таком грохоте никакое снотворное не поможет! Никак не могу понять, почему каждый раз перед взлетом самолет так ревет.

Спенсер кивнул, потом, когда стало чуть тише и можно было более-менее спокойно говорить, объяснил:

– Это обычный прогон двигателей перед взлетом. В каждом моторе есть два генератора на тот случай, если в полете один вдруг откажет. При прогоне каждый двигатель по очереди запускают на полную мощь, чтобы по отдельности про-

верить генераторы. Пилот должен удостовериться, что с нами все в порядке, прежде чем взлететь. Слава богу, авиакомпания строго за этим следят.

– Вы говорите так, будто хорошо в этом разбираетесь.

– Во время войны я летал на истребителях, но теперь, похоже, все подзабыл.

Когда их вжало в спинки кресел, оба поняли, что самолет начал разбег по полосе, и почти сразу же легкий толчок возвестил об отрыве от земли. Рев моторов сменился ровным гулом. Набирая высоту, самолет накренился, и за краем крыла Спенсер увидел удалявшиеся огни аэропорта.

– Можно расстегнуть ремни, – послышалось из динамиков. – Разрешается курить.

– Всегда радуюсь, когда эта часть полета остается позади, – буркнул врач, расстегивая ремень безопасности и потом доставая сигарету. – Спасибо. Кстати, меня зовут Байрд, Бруно Байрд.

– Рад познакомиться, док. А я Спенсер, Джордж Спенсер из компании «Фулбрайт мотор».

Некоторое время они молча курили, рассеянно глядя, как сигаретный дым поднимается к потолку и исчезает, втянутый кондиционерами. Спенсера одолевали невеселые мысли. Как только вернется в головной офис, он непременно на чистоту поговорит с начальством, хотя уже до того, как вызвать такси и отправиться в аэропорт, объяснил по телефону представителю в Виннипеге, что с этой сделкой теперь при-

дется повозиться. Для оправдания провала в Ванкувере явно назревает крупный нелицеприятный разговор. Наверное, неплохо бы воспользоваться создавшейся ситуацией, чтобы по возвращении потребовать увеличения жалованья, а еще лучше – повышения в должности. Если его сделают управляющим отделом продаж – о чем старик часто заговаривал, но до дела так и не довел, – то они с Мэри, Бобси и малышкой Кит смогли бы переехать из дома, где жили теперь, на Паркуэй-Хайтс. Или расплатиться за новый бак для воды, за школу, по кредитам за «олдсмобиль» и морозильник, по счетам из больниц во время второй беременности Мэри. Не за все сразу, конечно, спустился с небес на землю Спенсер, даже на жалованье управляющего.

Доктор Байрд размышлял, что лучше: вздремнуть или воспользоваться прекрасной возможностью почитать доставленный авиапочтой свежий номер «Британского медицинского журнала», но мысли его сами собой переключились на амбулаторию в небольшом городке, который он покинул на пару дней. Интересно, справится ли Эванс? Парень подаст большие надежды, но слишком уж он молод. Только бы не забыл, что миссис Лоури нужно выписать обычную микстуру, а не ту патентованную дрянь, из-за которой она все время поднимает шум. Дорис, конечно, поможет Эвансу держать верный курс: жены врачей это очень хорошо умеют. Господи, иначе и быть не должно. И Льюису придется в свое время

это уяснить: нужно искать достойную половину.

Доктор все-таки задремал, но догоревшая сигарета обожгла пальцы и выдернула из объятий сна.

Сидевшая через проход чета была по-прежнему поглощена чтением спортивных журналов. Описать Джо Грира можно было теми же словами, что и Хейзел Грир: трудно представить настолько похожих друг на друга супругов. Оба розовощекие, живые, со взглядом ясным, как свежий утренний воздух. Они скрупулезно изучали испещренные текстом страницы, словно там раскрывались тайны мироздания.

– Леденцы будешь? – спросил Джо, когда к ним подошла стюардесса с подносом.

– Угу, – буркнула Хейзел.

Забросив по конфете в рот, они принялись размеренно их рассасывать, склонив над чтивом каштановые головы.

Сидевшая за Спенсером и доктором четверка болельщиков пошла на следующий круг. Трое из них выглядели как типичные фанаты: плотные, горластые и напористые, – и явно приготовились в предстоящие два памятных дня веселиться по полной, на время отбросив все дела и заботы. Четвертый был совсем не похож на болельщика: низкорослый, худенький, неопределенного возраста, с унылым лицом – и судя поговору, уроженец Ланкашира.

– За завтрашнюю победу «Львов»! – объявил он, поднимая бумажный стаканчик и в очередной раз провозглашая тост за своих героев.

Друзья со всей серьезностью поддерживали тост. Один из них, у которого на лацкане красовался значок с изображением разъяренного драного уличного кота, очевидно, представлявшего ни много ни мало царя зверей, пустил по кругу портсигар и в который раз заметил:

– Нет, я-то думал, что не успеем. Когда в Торонто пришлось пережидать туман, я сказал себе: «Энди, похоже, к этому празднику жизни ты опоздаешь». Да. И вот мы все-таки опаздываем на несколько часов, ну да ничего: поспать можно и в самолете.

– Только сначала было бы неплохо поесть, – заметил другой. – У меня прямо-таки брюхо сводит от голода. Когда тут хавчик разносят?

– Да уж должны бы. Обычно около восьми, но после задержки рейса все сместилось.

– Не переживай ты так! Лучше хлебни-ка, пока ждешь, – предложил ланкаширец, которого приятели называли «Пей-додна», протягивая другу бутылку.

– Притормози, дружище: не так уж у нас и много осталось.

– Ой, там, где я это взял, пошла полно. Давай глотни, спать крепче будешь.

Остальные пятьдесят шесть пассажиров, включая трех-четырех женщин, читали или болтали о том о сем. Все пребывали в предвкушении и радовались, что вышли на финишную прямую перелета через всю страну. В иллюминаторах по левому борту перемигивались синие и желтые огоньки даль-

них пригородов Виннипега, но вскоре они исчезли за тучами: самолет постепенно набирал высоту.

В крохотной, но прекрасно оборудованной кухоньке стюардесса Дженет Бенсон готовилась подавать ужин, пусть и запоздалый: его надо было разнести еще два часа назад. В зеркале на шкафчике с посудой отражалось ее радостно-возбужденное лицо. Она всегда испытывала невероятные ощущения в начале полета, некий подъем, но старалась скрываться от экипажа в своей личной «епархии». Доставая из ящичков приборы и салфетки, Дженет что-то радостно мурлыкала себе под нос. Подача еды была наименее привлекательной из всех ее обязанностей, и Дженет знала, что ей предстоит очень нелегкий час, когда надо будет накормить полный самолет проголодавшихся пассажиров, но все равно чувствовала себя вполне счастливой. Многие ее коллеги – если бы видели, как она с выбившейся из-под форменной шапочки белокурой прядью грациозно и изящно управляет на кухне, – наверняка бы по меньшей мере удивились, а то и заразились ее уверенностью в себе. В двадцать один год Дженет только начинала ощущать вкус к жизни и находила его приятным.

Из кабины пилотов не раздавалось ни звука, кроме ровного и ритмично пульсирующего гула моторов. Оба летчика сидели неподвижно, разве что время от времени шевелили рукой или ногой. Лица их освещались мерцавшими в темноте многочисленными индикаторами на приборных пане-

лях. Из наушников то и дело слышались переговоры других экипажей между собой и с землей. На шее у пилотов висели небольшие микрофоны.

Командир корабля Даннинг потянулся в кресле, разминая мышцы, и выдохнул, распушив роскошные усы, благодаря которым выглядел старше своего тридцати одного года. Эта его манера была хорошо знакома всему экипажу.

– Пит, как там температура на головках цилиндров третьего двигателя? – обратился Даннинг ко второму пилоту.

Тот взглянул на приборную панель.

– Теперь в полном порядке, шкип. Я в Виннипеге просил их проверить, но техники ничего не обнаружили. Кажется, все само собой утряслось. Сейчас ничего не перегревается.

– Ну вот и славно.

Даннинг окинул взглядом ночное небо. Бледный свет луны холодно подсвечивал края облаков. Похожие на клочки ваты тучи лениво наплывали на кабину и пролетали мимо. Иногда самолет погружался в бело-серую облачную муть и через секунду-другую вырывался на свободу, словно выскользнувший из воды спаниель.

– Если повезет, то долетим без эксцессов. Да и прогноз погоды в кои-то веки более-менее ничего. Нечасто бывает летать в соответствии с планом.

– Да уж, – согласился второй пилот. – Но это ненадолго: через месяц с небольшим все изменится.

Самолет вошел в тепловые потоки, началась болтанка, и

капитану пришлось на несколько минут сосредоточиться на том, чтобы выровнять курс. Когда трясти перестало, он спросил:

– Если останется время отдохнуть, пойдешь на матч в Ванкувере?

Второй пилот замялся, прежде чем ответить:

– Пока не знаю. Посмотрим, как получится.

Командир бросил на него удивленный взгляд и резко заинтересовался:

– Что значит – «как получится»? Если положил глаз на Дженет, то даже не надейся: она почти ребенок для тебя, взятого Казановы.

Вряд ли это прозвище подходило второму пилоту: ему не было и тридцати, лицо свежее, задумчивый, проникновенный взгляд романтика.

– Полегче, шкип! – возмутился Пит, покраснев до корней волос. – В жизни никого не соблазнял.

– Ну да, конечно! Впрочем, не мое дело, но что касается Дженет, даже не пытайся, – улыбнулся командир. – Половина летного состава компании мечтает закрутить с ней роман, поэтому не усложняй себе жизнь, дружище.

Неподалеку от пилотов, за раздвижной дверью, предмет их обсуждения занималась раздачей ужина.

– Сэр, ваш ужин, – негромко обратилась Дженет к очередному пассажиру, явно задремавшему.

– А? Что? Да, пожалуйста. – Байрд очнулся и ткнул в бок

тоже спавшего Спенсера. – Проснитесь! Ужинать будете?

Тот зевнул, собираясь с мыслями.

– Ужинать? Конечно, буду. Что-то поздновато, мисс, а? Я уж подумал, что все давным-давно поели.

– Нас задержали в Торонто, сэр, и поэтому ужин сегодня позже обычного, – спокойно ответила Дженет. – Что желаете? Есть баранина и жареный лосось.

– Э-э-э... Да, пожалуйста.

Улыбка Дженет стала растерянной, но голос был по-прежнему профессионально спокойным:

– Так все-таки что, сэр?

Спенсер окончательно проснулся.

– Ах да... Извините, мисс. Баранину.

– Я тоже, – сказал Байрд.

Дженет вернулась на кухню и следующие полчаса раскладывала и разносила еду. В конце концов всем, кто хотел есть, было подано горячее, и девушка, улучив минутку, взяла трубку внутреннего телефона.

– Пилоты на связи, – отозвался голос Пита.

– Наконец-то подаю ужин, – сказала Дженет. – Лучше поздно, чем никогда. Что хотите – баранину или жареного лосося?

– Секунду. – Девушка слышала, как тот передавал вопрос командиру. – Дженет, командир говорит, что будет баранину... Нет, обожди, он передумал. А рыба ничего?

– Да вроде нормальная, – прощепетала в ответ Дженет. –

Жалоб нет.

– Значит, капитану лосося. Впрочем, давай и мне тоже, только порции побольше: организм у нас растущий, энергии тратим много.

– Понятно: двойные порции, как всегда. Уже несу.

Она быстро подхватила два подноса и пошла к кабине пилотов, с привычной легкостью удерживая равновесие при почти неощутимом покачивании пола. Пит открыл ей дверь и принял один поднос. Командир, переключившись на автопилот, переговаривался с диспетчером в Виннипеге:

– Высота четыре восемьсот, заданный курс двести восемьдесят пять, полетная скорость четыреста, а относительно земли – триста тридцать. Расчетное время прилета в Ванкувер пять ноль пять по местному. Прием.

Он переключил передатчик, и из наушников сквозь легкое потрескивание раздался четкий голос:

– Рейс семьсот четырнадцать, говорит Виннипег-контроль. Принято. Конец связи.

Даннинг потянулся за бортовым журналом, что-то в нем записал и отодвинул кресло от рычагов управления так, чтобы образовалось свободное пространство, но вместе с тем такое, чтобы в случае необходимости можно было до них легко дотянуться. Пит уже начал есть, поставив поднос на лежавшую на коленях подушку: надо было сменить у штурвала командира.

– Не торопись, – успокоил его тот, вытянув руки над го-

ловой, насколько это позволял низкий потолок тесной кабины. – Я подожду. Ешь с удовольствием. Кстати, как рыба?

– Очень даже ничего, – с набитым ртом пробормотал второй пилот. – Еще бы порции три-четыре – и можно считать, что поел.

– Побереги талию, Пит, а то в кабину не влезешь, – хмыкнул капитан и повернулся к стоявшей в полутьме за креслом стюардессе. – Дженет, как там в салоне – все нормально? Как болельщики?

Девушка пожала плечами.

– Немного поутихли: наверное, очень устали, пока мы ждали в Торонто. Четверо постоянно накачиваются виски, но повода для нареканий нет: ведут себя адекватно. Похоже, ночь пройдет тихо и спокойно – тьфу-тьфу-тьфу.

Пит насмешливо вздернул бровь.

– Не обольщайтесь, мадам: в такие вот ночи держи ухо востро. Держу пари, кому-нибудь непременно сделается плохо.

– Не сейчас, но когда ты сядешь за штурвал, обязательно предупреди, чтобы я достала индивидуальные пакеты, – весело ответила Дженет.

– Вот молодец! – рассмеялся командир. – Наконец-то кто-то вывел его на чистую воду.

– Как с погодой? – поинтересовалась Дженет.

– Так, сейчас посмотрим. К востоку от гор – плотный туман почти до самой Манитобы, но нам он не помеха. Даст

Бог, до самого побережья долетим без проблем.

– Вот и хорошо. Держи этого шалуна подальше от штурвала, пока я кофе разнесу, ладно?

И прежде чем Пит успел ответить, она выскользнула в коридор и пошла по салону принять заказы на кофе. Когда через некоторое время она вошла в пилотскую кабину с подносом, Даннинг уже поел и теперь сидел, довольный, в ожидании кофе. Управление взял на себя Пит. Расправившись с кофе, командир поднялся с кресла.

– Порули пока, Пит. Пойду пожелаю пассажирам спокойной ночи – пора им баиньки.

– Понял, шкип, – кивнул второй пилот, не поворачивая головы.

Выйдя следом за Дженет в ярко освещенный салон, Даннинг сощурился после полумрака кабины и сначала остановился у кресел Спенсера и Байрда, которые первыми протянули стюардессе пустые подносы.

– Добрый вечер, – поздоровался с ними командир. – Как настроение?

Байрд поднял на него взгляд.

– Да, все хорошо, спасибо. Прекрасный ужин. А то мы и впрямь проголодались.

– Да, прошу простить за задержку.

Доктор снисходительно махнул рукой.

– Чепуха! Вы же не виноваты в том, что на Торонто опустился туман. Ну а теперь не помешает и вздремнуть, да, ко-

мандир?

– Да уж, и я не прочь, – зевнув, добавил Спенсер.

– Надеюсь, вы хорошо отдохнете, – сказал Даннинг, выключая их лампочки для чтения. – Стюардесса принесет вам пледы. Спокойной ночи!

Он двинулся дальше по проходу, перебрасываясь с каждым пассажиром негромкими фразами, объясняя, как можно наклонить спинку кресла, и рассказывая, как проходит полет и какая ожидается погода.

– Ну, отправляюсь в страну снов, – объявил Спенсер. – И вот еще что, доктор: по крайней мере сегодня вы избавлены от ночных вызовов.

– Надолго ли? – сонно пробормотал Байрд, не открывая глаз. – Часов на семь, не больше, но все равно надо этим воспользоваться. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, док, – буркнул Спенсер, прислоняясь затылком к мягкому подголовнику. – Господи, как спать-то хочется!

Окутанный плотными тучами самолет продолжал с ровным гулом движение в холодном далеком пространстве. Далеко внизу мирно спали безмолвные прерии Саскачевана.

Даннинг дошел до прилично поднабравшегося квартета и вежливо попросил прекратить употребление алкоголя, с улыбкой добавив:

– Вообще-то употреблять на борту запрещено, поэтому давайте-ка прекращать, если не хотите продолжить путь

пешком.

– А против карт возражения есть? – спросил один из четверки, с сожалением глядя на бутылку, где осталось совсем на донышке.

– Ровным счетом никаких, – ответил Даннинг, – если не станете докучать другим пассажирам.

– Жаль мне вас, капитан, – заявил ланкаширец. – Подумать только – всю ночь глаз не сомкнешь!

– Ничего, мы привыкли: обычная рутина.

– Если на то пошло, то каждый рейс – это рутина, так?

– Ну да, можно и так сказать.

– Пока что-нибудь не случится, да?

Вокруг захихикали, Даннинг тоже рассмеялся, прежде чем двинуться дальше, и только тщедушный ланкаширец, чуть разогнав в голове винные пары, на мгновение задумался над своими словами.

Глава 2

00.45–01.45

Командир почти закончил обходить салон и задержался, чтобы непринужденно поболтать с небольшого роста пассажиром, который, как оказалось, летал с ним раньше.

– Я знаю, что немного похож на военного летчика, – смущенно проговорил Даннинг, оглаживая пышные усы, – но я так долго их ношу, что уже не могу с ними расстаться. Знаете, это как старого друга бросить.

– Бьюсь об заклад, что на девушек они действуют завораживающе, – отозвался коротышка. – И как вас зовут – Бобер?

– Да нет, – возразил с улыбкой пилот. – У нас в компании люди интеллигентные. Просто Дан или, чаще, Дунсинан.

– Дунсинан? – удивленно переспросил пассажир.

– Дунсинан, – отчетливо повторил командир. – Помните? Это из «Макбета».

Коротышка вытаращил глаза и непонимающе протянул:

– Из «Макбета»? Из какого еще «Макбета»?

Командир двинулся дальше. Перекидываясь фразой-другой с пассажирами, он не спускал глаз со стоявшей в проходе стюардессы, которая задержалась возле женщины, приложив ей руку ко лбу. Когда он подошел ближе, пассажирка, которая скорее лежала, чем сидела, вытянулась вдоль кресла и

вжалась затылком в подголовник. Лицо ее исказила гримаса боли. Командир легонько взял стюардессу за локоть.

– Что-нибудь случилось, мисс Бенсон?

Дженет выпрямилась и едва ли не шепотом ответила:

– Даме немного нездоровится, командир. Сейчас принесу аспирин.

Даннинг наклонился к сидевшим рядом мужчине и женщине и сочувственно поинтересовался:

– Что вас беспокоит?

Женщина пристально посмотрела на него.

– Сама... сама не знаю. Как-то внезапно навалилось всего несколько минут назад. Затошнило, голова закружилась... и жуткая боль... вот тут. – Она показала на живот. – Извините за беспокойство... я...

– Ну же, потерпи, дорогая. Лежи, не двигайся: скоро полегчает, – пробормотал сидевший рядом мужчина и взглянул на командира: – Может, ее укачало?

– Думаю, да, сэр, – ответил Даннинг.

Внимательно посмотрев на женщину, он заметил выступившую на бледном лбу испарину, немного растрепавшиеся волосы и побелевшие костяшки пальцев. Одной рукой она вцепилась в подлокотник кресла, а другой судорожно сжимала ладонь мужа.

– Потерпите, – негромко проговорил командир, – уверен, что стюардесса вам поможет. Постарайтесь успокоиться, расслабиться, насколько сумеете. Чтобы ободрить вас, скажу,

что летим вроде бы спокойно, без болтанки.

Вернулась Дженет, и он уступил ей место.

– Вот, – сказала стюардесса, протягивая женщине таблетки, – выпейте. – Чуть приподняв ей голову, она помогла даме сделать пару глотков воды. – Отлично. А теперь давайте-ка устроим вас поудобнее. – Дженет поплотнее подоткнула края пледа. – Так хорошо? – Женщина благодарно кивнула. – Через несколько минут зайду вас проведать. Если опять затошнит, воспользуйтесь бумажным пакетом и, если что, нажмите на кнопочку у иллюминатора, и я приду.

– Спасибо, мисс, – поблагодарил муж. – Уверен, что ей станет лучше. – Он улыбнулся жене, словно пытаясь подбодрить самого себя. – Постарайся отдохнуть, дорогая. Скоро все пройдет.

– Очень на это надеюсь, – не совсем уверенно заметил Даннинг. – Полагаю, вам лучше поспать, мадам, да и вам обоим нужно отдохнуть.

Он двинулся обратно по проходу в кухню и дождался Дженет там, а когда та вернулась, спросил:

– Кто эта пара?

– Мистер и миссис Чайлдер... Джон Чайлдер. Пятнадцать минут назад она была в полном порядке.

– Гм... Сообщи мне, если ей станет хуже: свяжусь с землей.

Дженет бросила на него тревожный взгляд.

– Зачем? Есть какие-то подозрения?

– Не знаю. Мне ее вид не понравился. Может, укачало, а может, кое-что посерьезнее. – Он озабоченно постучал пальцами по металлической раковине. – Врача, случайно, на борту нет?

– При регистрации профессию не указывают, – ответила Дженет, – но могу разузнать.

Даннинг покачал головой.

– Сейчас никого не беспокой. Почти все укладываются спать. Где-нибудь через полчаса узнай, как она там, и сообщи мне. Шутки плохи, – добавил он тихо, собираясь уходить, – ведь до побережья еще четыре с лишним часа.

Возвращаясь в пилотскую кабину, он задержался, чтобы улыбкой подбодрить приболевшую пассажирку. Та попыталась улыбнуться в ответ, но от очередного приступа боли закрыла глаза и съежилась в кресле. Несколько секунд Даннинг внимательно смотрел на нее, затем двинулся дальше, к кабине. Закрыв за собой дверь, сел в кресло пилота, снял фуражку, надел большие наушники и взял в руку микрофон. Пит вел самолет вручную. Обрывки туч, казалось, вихрем летели на лобовые стекла, за секунду залепляли их, а затем таяли.

– Кучевые облака густеют, – доложил второй пилот.

– Вроде как по кочкам поскачем, а? – усмехнулся Даннинг.

– Похоже на то.

– Возьму штурвал на себя. Надо попробовать забраться чуть повыше. Запроси-ка шеститысячный эшелон, а?

– Есть. – Пит кнопкой на микрофоне перешел в эфир: – Семьсот четырнадцатый вызывает Реджину.

– Слышу вас, семьсот четырнадцатый, – протрещало в наушниках.

– Перед нами грозовой фронт. Прошу разрешения на шесть тысяч.

– Семьсот четырнадцатый, ждите. Свяжусь с диспетчерской.

– Спасибо, – отозвался Пит.

Командир, глядя на приближавшуюся зону турбулентности, привычными движениями выравнивая самолет, чтобы тот не рыскал и не валился в воздушные ямы, приказал:

– Пит, включи-ка надпись «Пристегнуть ремни».

– Есть. – Пит потянулся к кнопке на верхней панели.

Самолет тряхнуло, когда он вырвался из плотных туч и сразу же вонзился в очередную облачную стену.

– Семьсот четырнадцатый, – донесся голос из наушников. – Диспетчерская дает добро на шесть тысяч. Прием.

– Это семьсот четырнадцатый, – откликнулся Пит. – Вас понял, спасибо. Конец связи.

– Поехали, – сказал командир.

Двигатели басовито загудели, машина начала задирать нос, кабина накренилась, стрелка альтиметра на мерцавшей приборной панели стала показывать ровный набор высоты со скоростью сто футов в минуту. Длинный «дворник» на лобовом стекле размашисто сновал туда-сюда.

– Скорей бы выбраться из этого «молока», – заметил второй пилот.

Даннинг не ответил, сосредоточившись на приборах, и ни он, ни Пит не слышали, как вошла стюардесса, пока та легонько не тронула командира за плечо.

– Командир, – торопливо проговорила Дженет, явно взволнованная, – та дама... Ей хуже. И еще одному пассажиру плохо – теперь мужчине.

Даннинг, не оборачиваясь, включил носовые посадочные огни, и лучи яркого света выхватили из темноты стену дождя со снегом. Выключив огни, он принялся щелкать регуляторами двигателей и антиобледенителя.

– Дженет, сейчас не могу подойти. Действуй, как договаривались, и выясни, есть ли на борту врач. Да, и убедись, что все пассажиры пристегнуты: нас, скорее всего, поболтает. Выйду в салон, как только смогу.

– Поняла, командир.

Покинув пилотскую кабину, Дженет громко, чтобы услышали все, объявила:

– Просьба пристегнуть ремни. Из-за погодных условий возможна небольшая болтанка.

Потом, уже тише, она наклонилась к сидевшим справа пассажирам и вроде как между делом поинтересовалась:

– Прошу прощения, среди вас, случайно, нет врача?

Сидевший ближе к ней мужчина покачал головой и пробурчал:

– Извините, нет. Что-нибудь случилось?

– Нет, ничего серьезного.

Кто-то в салоне вскрикнул, и Дженет, насторожившись, торопливо зашагала по проходу туда, где сидела миссис Чайлдер. Дама, скрючившись и закрыв глаза, лежала в объятиях пытавшегося успокоить ее мужа и тихонько постанывала.

– Что нам делать, мисс? – спросил мистер Чайлдер с искаженным от волнения лицом, когда стюардесса подошла к ним. – Как вы думаете?

– Укройте ее потеплее, а я пойду узнаю, есть ли на борту врач.

– Дай Бог, чтобы был. А если нет?

– Не переживайте, сэр, будем надеяться на лучшее. Я тотчас вернусь.

Дженет двинулась дальше вдоль рядов кресел, негромко повторяя свой вопрос.

– А что, кому-то плохо? – тревожно спрашивали ее.

– Нет-нет, просто даме нездоровится, такое бывает. Извините, что побеспокоила, – отвечала им девушка.

Ее вдруг схватили за руку. Это оказался один из любителей выпивки, и выглядел он не лучшим образом: лицо желтоватое, покрыто испариной.

– Извините, мисс, что снова беспокою: что-то мне нехорошо. Можно воды?

– Да, конечно. Сейчас принесу.

– Раньше так никогда не прихватывало. – Мужчина, отдуваясь, откинулся на спинку кресла. Проснулся один из его приятелей и, вздрогнув, открыл глаза.

– Что стряслось?

– Да что-то брюхо прихватило: того и гляди лопнет.

В этот момент его скрутил очередной спазм, и он схватился за живот.

Дженет осторожно потрясла за плечо Спенсера, тот открыл один глаз, затем другой.

– Простите великодушно, что разбудила, сэр, – сказала девушка, – но срочно нужен врач. Ваш попутчик, случайно, не доктор?

Спенсер наконец-то проснулся окончательно.

– Врача? Да, мисс, вам повезло. Вот этот джентльмен по соседству – врач.

– Слава богу! – с облегчением выдохнула стюардесса. – Не могли бы вы его разбудить?

– Конечно. – Спенсер взглянул на девушку и ткнул локтем распростертого рядом с ним Байрда. – Кому-то плохо, да?

– Да, одной даме немного нездоровится, ну и пассажир, похоже, перебрал, – тихо ответила Дженет.

– Док, да просыпайтесь же вы! – добродушно потряс соседа Спенсер. – Похоже, вам все-таки этой ночью позвонили.

Байрд потряс головой, что-то пробурчал и наконец проснулся.

– Сэр, вы врач? – обратилась к нему стюардесса.

– Да-да, я доктор. Что-то случилось?

– Двум пассажирам плохо. Не могли бы вы их посмотреть?

– Плохо? Да, конечно, одну минуту.

Спенсер встал с кресла, пропуская врача.

– Где они? – спросил Байрд, протирая глаза.

– Думаю, доктор, вам лучше сначала осмотреть женщину, – посоветовала Дженет, направляясь к супружеской паре, и напомнила остальным: – Пожалуйста, пристегните ремни.

Миссис Чайлдер теперь вытянулась, насколько позволяло кресло. Ее то и дело трясло от спазмов, она тяжело и хрипло дышала, волосы взмокли от пота.

Байрд остановился, внимательно посмотрел на нее, потом опустился на колени и пощупал пульс.

– Этот джентльмен – врач, – сказала Дженет.

– Господи, ну слава богу! – с воодушевлением воскликнул Чайлдер.

Его супруга открыла глаза и с трудом проговорила дрожащими губами:

– Доктор...

– Лежите спокойно, – велел Байрд, глядя на часы, потом отпустил ее руку, полез в карман и достал маленький фонарик. – Откройте пошире глаза, – попросил он негромко и по очереди посветил в каждый. – Так. Покажите, где болит: здесь или тут? – Когда он надавил на живот, ее скрутила судорога, из горла вырвался стон боли. Врач укрыл ее пледом, потрогал лоб и, выпрямившись, спросил: – Эта дама ваша

жена?

– Да, доктор, – ответил Чайлдер.

– Есть еще какие-нибудь жалобы, кроме болей?

– Ее очень тошнило, была рвота.

– Когда это началось?

– Вроде бы не так давно. – Чайлдер беспомощно посмотрел на Дженет. – Ее как-то сразу прихватило.

Байрд задумчиво кивнул, отошел в сторону, взял Дженет под локоток и очень тихо, чтобы не услышали тревожно смотревшие на них пассажиры, спросил:

– Вы ей из лекарств что-нибудь давали?

– Только аспирин... Ой, совсем забыла принести воды мужчине, которому тоже стало плохо...

– Погодите! – резко остановил ее Байрд. Сон как рукой сняло, он был сосредоточен, в голосе зазвучали командные нотки. – Где вас учили оказывать первую помощь?

От этого вопроса Дженет покраснела.

– На курсах стюардесс, но...

– Ладно, оставим. Запомните: без толку давать аспирин при рвоте – от него станет еще хуже. Одну воду – и ничего больше.

– Я... Простите, доктор, – с трудом пролепетала Дженет.

– Вот что: ступайте к командиру и передайте, что нам нужно немедленно садиться, – сказал Байрд. – Этой женщине срочно нужно в больницу. Да, и пусть вызовут к трапу скорую.

– А что с ней?

– Точный диагноз поставить не берусь, но положение достаточно серьезное, чтобы совершить посадку. Так командиру и передайте.

– Хорошо, доктор. А пока я хожу, не могли бы вы осмотреть еще одного пассажира? Он жалуется на жуткие боли в животе и тошноту.

Байрд бросил на нее резкий взгляд.

– Говорите, тоже боли? Где он?

Девушка проводила его к мужчине, которого трясло от рвотных позывов. С обеих сторон его поддерживал сидевший рядом приятель. Байрд наклонился и взглянул ему в лицо.

– Я врач. Поднимите, пожалуйста, голову повыше. – Он быстро осмотрел мужчину и спросил: – Что вы ели за последние сутки?

– Да ничего особенного, – еле слышно пробормотал несчастный. – На завтрак яичницу с беконом, на обед – салат... В аэропорту сэндвич... и здесь поужинал. – По подбородку у него стекла струйка слюны. – Очень болит, доктор. И глаза.

– Что с глазами? – быстро спросил Байрд.

– Все плывет и двоится.

Соседа это, похоже, развеселило.

– Это все от виски, приятель, не иначе!

– Помолчите! – осадил его Байрд и, поднявшись, увидел,

что рядом стоят Дженет и командир. – Укройте его потеплее, принесите еще пледов, – обратился он к девушке.

Даннинг жестом пригласил его пройти в кухню, и как только они остались одни, Байрд тотчас же спросил:

– Как скоро мы можем сесть, командир?

– В том-то и проблема, что не сможем.

– Почему? – в недоумении уставился на него доктор.

– Да все дело в погоде. Я только что уточнял по радио. По эту сторону гор над прериями сплошная низкая облачность и туман. Калгари полностью закрыт, так что придется лететь до самого побережья.

Байрд на мгновение задумался, потом спросил:

– А как насчет повернуть назад?

Даннинг покачал головой, и в мягком свете ламп доктор увидел его посуровевшее лицо.

– Тоже исключается. Виннипег закрыли из-за тумана сразу после того, как мы взлетели. В любом случае до Ванкувера ближе.

Байрд поморщился, нервно постукивая ногтем по фонарику.

– Как скоро вы предполагаете сесть?

– Примерно в пять утра по местному времени. – Даннинг заметил, как врач непроизвольно взглянул на часы, и добавил: – Примерно часа через три с половиной. Чартерные самолеты не самые скоростные.

Байрд принял решение:

– Тогда мне придется делать все, что смогу, до посадки в Ванкувере. Мне понадобится мой саквояж. Как думаете, можно до него добраться? Я сдал его в багаж в Торонто.

– Попытаться можно, – кивнул командир. – Только бы он оказался где-нибудь сверху. Позвольте вашу багажную квитанцию, доктор.

Байрд запустил руку в задний карман брюк, вытащил бумажник, вынул две квитанции и протянул пилоту, пояснив:

– Там две сумки, командир, но мне нужен только маленький докторский саквояж. В нем не бог весть что: экстренный набор, который я всегда беру с собой, – но хоть что-то...

Едва он умолк, как самолет тряхнуло так, что их обоих отбросило к дальнему борту. Раздалось настойчивое громкое жужжание. Командир первым вскочил на ноги и рванулся к внутреннему телефону.

– Это Даннинг! В чем дело, Пит?

Раздался срывающийся от боли голос второго пилота:

– Мне... плохо... быстрее...

– Похоже, ему нужна помощь, – обратился Даннинг к врачу.

Они быстро вышли из кухни и направились к кабине пилотов, и пока шагали по проходу, командир любезно раскланивался с пассажирами, поясняя:

– Небольшая турбулентность, придется потерпеть.

Когда они оказались наконец в кабине, сразу стало ясно, что второй пилот из рук вон плох. Лицо у него блестело от

пота, он сидел, скорчившись и что есть сил вцепившись в штурвал.

– Вытащите его оттуда! – коротко приказал командир.

Байрд и вошедшая следом Дженет подхватили второго пилота под мышки и оттащили от приборной панели. Даннинг тут же занял пилотское кресло и перехватил штурвал.

– Усадите его на место для бортрадиста, – бросил он через плечо.

Не успели Пита усадить в кресло и прислонить к стене, как его скрутило судорогой и вырвало прямо на пол. Байрд расстегнул ему воротник рубашки и ослабил галстук, устроил поудобнее. Через каждые несколько секунд второго пилота сотрясало от судорожных рвотных позывов.

– Доктор, – с тревогой в голосе спросил Даннинг, – что это? Что происходит?

– Пока не знаю, – мрачно отозвался Байрд. – Но, похоже, причина общая: отравление. Что было на ужин, кроме мяса?

– Рыба, лосось... – ответила Дженет. – Вы сами что ели, доктор?

– Мясо. А он что ел? – спросил Байрд, кивнув на второго пилота.

Дженет побледнела и чуть слышно пролепетала:

– Рыбу.

– А двое других пассажиров?

– Не помню...

– Надо выяснить и побыстрее!

Стюардесса поспешила в салон, а Байрд опустился на колени перед вторым пилотом, который сидел с закрытыми глазами и раскачивался в такт наклонам самолета, и как можно спокойнее сказал:

– Потерпите еще немного: сейчас принесут мой саквояж, и я дам вам болеутоляющее. – Он стащил с полки плед. – Укройтесь, и вам станет полегче.

Пит приоткрыл глаза и облизнул пересохшие губы.

– Вы врач?

Байрд кивнул, и пилот скривил губы, сконфуженно пытаясь улыбнуться.

– Я тут все загадил...

– Вам лучше помолчать, – заметил Байрд. – Постарайтесь сидеть тихо.

– Скажите командиру, что он прав: рулевой из меня никакой...

– Вы не поняли? Не разговаривайте, и вам станет легче.

Вернулась Дженет и, в спешке глотая слова, сообщила:

– Доктор, я обоих опросила: ели рыбу. Еще трое пожаловались на боли. Сможете подойти?

– Конечно. Но мне нужен саквояж. Кто-то пошел за ним?

– Послушайте, доктор, я сейчас не могу бросить штурвал, – не поворачивая головы, проговорил Даннинг, – а больше никому. Разве что Дженет... вот квитанции. Возьми в помощь кого-нибудь из пассажиров.

Стюардесса приняла у командира квитанции и поверну-

лась было к врачу, но тот продолжил:

– Я свяжусь с Ванкувером и доложу о случившемся. Добавить что-нибудь нужно?

– Да, – ответил Байрд. – Скажите, что три случая серьезных и, похоже, на подходе еще несколько. Уверенности нет, но, возможно, это отравление съеденной на борту рыбой. Просите прекратить все поставки еды от этого подрядчика, по крайней мере до тех пор, пока не будет установлена причина отравления.

– Вспомнил! – воскликнул Даннинг. – В этот раз продукты пришли не от нашего всегдашнего поставщика. Пришлось брать их в другом месте, потому что мы прибыли в Виннипег с огромным опозданием.

– Тем более, – сказал Байрд. – Это просто необходимо знать тем, кто на земле.

– Доктор, – вмешалась Дженет, – пожалуйста, сходите к миссис Чайлдер: похоже, ей совсем плохо.

Байрд шагнул к двери, морщины у него на лице залегли еще глубже, но взгляд, которым он посмотрел в глаза Дженет, был твердым и непоколебимым.

– Постарайтесь успокоить пассажиров. От вас сейчас зависит очень многое. Если удастся найти и принести мой саквояж, я сумею помочь миссис Чайлдер. – Он уже открыл Дженет дверь, но вдруг его осенило. – Кстати, а что вы ели на ужин?

– Мясо, – ответила девушка.

– Слава богу!

Дженет улыбнулась и шагнула было в проход, но врач вдруг ухватил ее за локоть и резко спросил:

– Полагаю, командир тоже ел мясо?

Она подняла глаза, словно одновременно пытаюсь и вспомнить, и вникнуть в смысл заданного ей вопроса. И тут ее внезапно обуял ужас от пришедшего понимания последствий. Она едва не рухнула в обморок от охватившего ее безумного страха.

Глава 3

01.45–02.20

Бруно Байрд задумчиво посмотрел на стюардессу. За спокойным и уверенным взглядом его серо-голубых глаз угадывалась напряженная работа мысли: следуя многолетней привычке, он взвешивал и сравнивал варианты дальнейших действий.

– Что ж, не станем спешить с выводами, – сказал Байрд будто самому себе и отпустил руку девушки. – Как можно быстрее найдите мой саквояж. Прежде чем осмотреть миссис Чайлдер, я хотел бы еще раз переговорить с командиром корабля.

Доктор шагнул в кабину пилотов. Самолет успел подняться выше уровня турбулентности и теперь летел ровно. Из-за плеча пилота можно было увидеть холодное белое сияние луны, превращавшее лежащий внизу плотный облачный ковер в казавшийся бесконечным волнистый снежный наст, среди которого тут и там взмывали вверх остроконечные вершины. Зрелище это производило поистине сказочное впечатление.

– Командир, – позвал Байрд, перегнувшись через спинку пустовавшего кресла второго пилота.

Даннинг оглянулся. В безжизненном лунном свете его лицо выглядело мертвенно-бледным и осунувшимся.

– Командир, надо действовать. Людям в салоне очень плохо, им нужна помощь. И еще. Как я понимаю, вы ужинали позже второго пилота?

– Да.

– Сколько прошло времени?

Командир прищурился.

– Примерно полчаса. Может, чуть больше. – И тут до него дошел смысл слов доктора. Он резко выпрямился в кресле и хлопнул ладонью по штурвалу. – Вот ведь черт, а? Я тоже ел рыбу.

– Вы хорошо себя чувствуете?

Командир кивнул.

– Да, вполне нормально.

– Слава богу! – с облегчением проговорил Байрд. – Как только найдут мой саквояж, я дам вам рвотное.

– А поможет?

– Зависит от обстоятельств. Ужин не мог полностью перевариться. В любом случае, не стоит полагать, что у всех, кто ел рыбу, возникнет отравление: логика тут неприменима. Возможно, вы окажетесь одним из тех, кому повезло.

– Было бы неплохо, – пробормотал Даннинг, вглядываясь в лунное сияние.

– Теперь вот что, – заговорил опять Байрд. – Можно ли как-нибудь зафиксировать управление самолетом?

– Ну да: есть же автопилот, – только вот сесть мы тогда не сможем...

– Думаю, вам надо на всякий случай включить его. Если станет плохо, немедленно зовите меня. Не знаю, много ли я смогу сделать, но если симптомы проявятся, то очень быстро.

Даннинг вцепился в штурвал с такой силой, что побелели костяшки пальцев, и тихо сказал:

– Ладно. А как там мисс Бенсон, стюардесса?

– Все нормально. Она ела мясо.

– Ну слава богу! Слушайте, давайте быстрее ваше рвотное: нельзя рисковать, ведь я теперь один.

– Стюардесса скоро вернется. Если не ошибаюсь, то в салоне по меньшей мере двое в тяжелом состоянии. Вот что еще. – Байрд испытующе посмотрел в глаза командиру. – Вы совершенно уверены, что у нас нет иного выхода, кроме как лететь дальше?

– Совершенно, – не раздумывая, ответил Даннинг. – Я все перепроверил и не раз. Плотная облачность и наземный туман до самой границы гор. Калгари, Эдмонтон, Летбридж – все закрыто на вылет и прием, как и положено при нулевой видимости у земли. Если бы все шло нормально, нас бы это не волновало.

– Ну вот, а теперь волнует.

Врач хотел было выйти, но командир задержал его:

– Минутку, доктор!

Байрд уже у двери остановился.

– Я командир корабля и должен знать, как действительно

обстоят дела. Каковы мои шансы не свалиться?

Байрд сердито тряхнул головой: от прежнего хладнокровия не осталось и следа – и едва ли не рывкнул:

– Не знаю! В такой ситуации трудно что-либо предугадать.

На выходе из кабины командир его опять окликнул:

– Доктор! Я рад, что вы оказались на борту.

Байрд ничего не ответил, а Даннинг глубоко вздохнул, обдумывая ситуацию, и стал прикидывать возможные варианты действий. За свою летную карьеру он не раз испытывал острое чувство тревоги, вот только сейчас к осознанию ответственности за судьбу почти шестидесяти пассажиров и исправность огромного самолета добавилось внезапное леденящее душу предчувствие катастрофы. Вот оно, значит, какое? Пилоты постарше, особенно повоевавшие, всегда твердили, что если держаться до конца, то выйдешь победителем. Как получилось, что за полчаса обычный и рутинный рейс с толпой веселых футбольных болельщиков на борту превратился в кошмар, о котором станут вопить заголовки сотен газет?

Презирая самого себя за малодушие, он постарался отогнать эти мысли. Лучше заняться делом, тем более что требовало оно полной сосредоточенности. Вытянув правую руку к панели автопилота, он защелкал выключателями, выжидая, чтобы все они должным образом сработали, зажглись все индикаторы, и только после этого переходил к следующему этапу. Сначала элероны: нужно чуть подстроить ком-

пенсацию, чтобы полностью перешли с ручной тяги на электрическую; затем педаль поворота и рули высоты, пока все четыре лампочки сверху панели не перестанут мигать и не загорятся ровным светом. Удостоверившись в этом, Даннинг взглянул на панорамный курсоуказатель и отпустил штурвал. Управление перешло в автоматический режим, и командир, откинувшись на спинку кресла, внимательно оглядел кабину. Для дилетанта она являла собой завораживающее зрелище. На местах пилотов словно сидели невидимки: сдвоенные штурвальные колонки двигались то чуть вперед, то чуть назад, затем опять вперед. Компенсируя накатывавшие на самолет воздушные потоки, ножные педали тоже двигались как бы сами по себе. На огромной двойной приборной панели десятки стрелок показывали каждая строго свой параметр.

Закончив инспекцию, Даннинг потянулся за висевшим на крючке микрофоном, быстро прицепил его на шею и надел наушники. Микрофон болтался из стороны в сторону, тонкая металлическая дужка скользила по щеке. Даннинг раздраженно выдохнул, раздув пышные усы почти до самого носа, и сказал себе: «Ну, понеслась».

Перебросив переключатель на «передачу», он заговорил ровным и спокойным голосом:

– Вызываю вышку Ванкувера. Это «Мейпл лиф эйр чартер», рейс семьсот четырнадцать. Повторяю: экстренное сообщение. Экстренное сообщение.

– «Мейпл лиф эйр чартер», рейс семьсот четырнадцать. Ванкувер слушает, – тотчас протрещало в наушниках.

– Ванкувер – вышка, это рейс семьсот четырнадцать. Сообщаю, что у нас на борту три тяжелых случая отравления, предположительно пищевого. Среди них – второй пилот. Обеспечьте посадку и бригаду скорой помощи. Источник отравления неизвестен, но предположительно это рыба, поданная на ужин. Считаем нужным предупредить, что все поставки продуктов от этого подрядчика следует прекратить, пока источник отравления не будет локализован. Из-за опоздания рейса в Виннипег продукты поступили не от нашего обычного поставщика. Просим произвести проверку. Как поняли?

Даннинг слушал подтверждение, мрачно глядя на распростершееся впереди и снизу застывшее облачное море. Ванкувер ответил, как всегда, четко и без эмоций, однако не приходилось сомневаться, что от его слов на Западном побережье словно бомба взорвалась, вызвав небывалый всплеск активности. Закончив передачу, командир откинулся на спинку кресла, вдруг почувствовав усталость и какую-то странную тяжесть во всем теле, словно оно налилось свинцом. Он машинально посматривал на шкалы приборов, которые, казалось, все больше и больше удалялись от него. Лоб тем временем покрылся холодным потом, и его вдруг бросило в дрожь. Даннинг почему-то разозлился на собственное тело, которое начало отказывать в самый критический момент, изо всех

сил подался вперед и принялся заново проверять маршрут, расчетное время прибытия, вероятную скорость встречного ветра над горами и схему посадочных полос в Ванкувере. Сколько у него заняла повторная проверка времени, он не знал, поэтому открыл бортовой журнал и, взглянув на часы, ужасающе медленно начал одолевать поистине невыполнимую задачу, пытаясь в хронологическом порядке выстроить события вечера и ночи.

Вернувшись в салон, доктор Байрд укрыл ослабевшую миссис Чайлдер сухими чистыми пледами, а грязные бросил в проход. Женщина беспомощно лежала на спине с закрытыми глазами, сухие губы ее дрожали, она тихонько постанывала. Весь в пятнах, воротник платья взмок от пота. Доктор не успел отойти, как несчастная содрогнулась от очередного спазма, и Байрд посоветовал ее мужу:

– Постарайтесь держать ее в тепле, в сухом тепле.

Чайлдер схватил его за руку и встревоженно спросил:

– Бога ради, доктор, что с ней? Дело плохо, да?

Байрд, посмотрев на женщину, которая дышала часто и неровно, не стал лгать:

– Да, плохо.

– Так сделайте же что-нибудь, дайте хотя бы лекарство! – воскликнул Чайлдер.

Байрд покачал головой.

– Ей нужно то, чего у нас нет: антибиотик. Сейчас мы можем только держать ее в тепле.

– Хоть воды-то можно дать?

– Нельзя, она может подавиться. Ваша жена почти без сознания, Чайлдер. И слава богу: так ей проще справиться с болью. Будем надеяться, она выкарабкается. Ваша задача – наблюдать за ней и держать в тепле. Ее может опять вырвать, так что следите. Я скоро вернусь.

Врач шагнул к следующему ряду кресел. Мужчина средних лет, скрючившись в кресле и мотая запрокинутой головой, хватался за живот и пытался расстегнуть ворот рубахи. Лицо его лоснилось от пота.

– Просто ужас, – взглянув на врача, пробормотал он, перекосившись от боли. – Никогда так не прихватывало.

Байрд достал из кармана карандаш и, выставив перед лицом мужчины, предложил:

– Попытайтесь его взять.

Несчастный с трудом поднял руку, хотел было сжать карандаш пальцами, но те не слушались, и он его уронил. Байрд прищурился, усадил пассажира поудобнее и накрыл пледом.

– Еле держусь, – прохрипел тот, – а голову как тисками сжимает.

– Доктор, подойдите, прошу вас! – крикнул кто-то.

– Минуточку, – откликнулся Байрд. – Подойду ко всем по очереди.

Вернулась наконец стюардесса с его кожаным саквояжем в руках.

– Ну слава богу! – выдохнул доктор. – Особо не разгуляешься, но хоть что-то. Да, а где у вас система оповещения?

– Пойдемте покажу. – Дженет провела врача в хвост самолета, к самой кухне, и, показав на микрофон, спросила: – Как миссис Чайлдер?

Байрд поджал губы, потом все же ответил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.